

«Земля прежде всего!»

Если оппозиции недостаточно, мы должны сопротивляться. И если сопротивления недостаточно, тогда ниспровергать.

Эдвард Эбби

Первое природоохранное движение Соединенных Штатов было ребенком истеблишмента, и ребенком вполне законным. Основатели Сьерра-Клуба, Национального Общества Одюбон, Общества дикой природы, и групп охраны диких животных были, как правило, столпами Американского общества. Они были элитной группой, спортсменами-охотниками, вроде Тэдди Рузвельта, натуралистами, подобно Джону Берроузу, любителями жизни под открытым небом, подобно Джону Мюиру, пионерами-лесоводами и экологами, типа Олдо Леопольда, и богатыми социальными реформаторами, подобно Джиффорду Пинчоту и Роберту Маршаллу. Никаких анархистов-луддитов в их среде.

Когда Сьерра-Клуб превратился в политически значимую силу, которая заблокировала в 1956 году дамбу Эхо-Парка и добилась в 1964 году принятия Акта об Облациях Дикой Природы, она состояла (как и родственные организации), в основном, из врачей, математиков и физиков-ядерщиков. В 1950—1960-е годы к природоохранным группам присоединились беженцы от господствующих мнений; Дэвид Броуэр, в то время исполнительный директор Сьерра-Клуба, один из создателей современного движения в защиту окружающей среды, ко времени его отставки советом директоров в 1969 году стал всерьез интересоваться вопросами ограничения и направлений развития индустриального общества. Но только в 1970 году, на День Земли, движение защиты окружающей среды получило первый реальный приток радикальных противников истеблишмента, когда протестующие против Вьетнамской войны нашли новое дело — окружающую среду. В один момент, на встречах группы охраны природы рядом со стрижками под «ежик» появились бороды — и полемика вспыхнула с новой силой.

Воинственность была недолгой. Эко-анархистские группы, как «Защита Черной Столовой горы», которые представляли собой крайние течения, достигли вершины в 1972 году на Стокгольмской Конференции Организации Объединенных Наций по Окружающей среде, а затем постепенно сошли со сцены. Наряду с десятками других выходцев 1960-х, которые стали работать в организациях охраны природы в начале 1970-х годов, я обнаружил, что, казалось, лучше всего работает компромисс. Тогда как костюм и галстук обеспечивает доступ к региональным главам Лесной Службы США и членам Конгресса. Мы учились делать умеренными свои мнения и свою одежду. Узнали, что советы правительства игнорируют экстремистов, а чтобы заставить сенатора обнять вас за плечи и опустить законопроект о Дикой природе в ящик для голосования, нужно рассматривать конфликты — с горной и лесозаготовительной промышленностью, выпасом скота — и соответственно урезать свое предложение. Конечно, мы были хорошими, патриотичными американцами. Конечно, мы

были озабочены производством красного мяса, древесины и полезных ископаемых. Мы пытались показать, что сохранение диких земель не так уж сильно конфликтует с валовым национальным продуктом, а чистый воздух способствует экономике. Мы утверждали, что можно развивать промышленность, и не бурить нефтяные скважины в девственных областях.

Эта умеренная позиция казалась оправданной, когда в 1977 году к власти в Белом доме пришел Джими Картер, первый Президент и общепризнанный защитник природных ресурсов после Тэдди Рузвельта. Самопровозглашенным защитникам природы в администрации Картера давали решающие посты. В передовицах трубили, что защита окружающей среды взлелеяна истеблишментом, и охрана природы пришла надолго. Под рукой была новая этика: Качество Окружающей Среды и Непрерывный Экономический Прогресс.

Тем не менее, хотя мы имели доступ и влияние в высших кругах, кое-что выглядело неправильным. Когда споры улеглись, охрана природы по-прежнему проигрывала промышленности. Но расхолаживали нас именно наши друзья. Мы пытались понять проблемы, с которыми они сталкивались в реальной политике. Предоставили им презумпцию невиновности. Мы не решились предъявить им иск, когда должны были это сделать...

Я размышлял обо всем этом серым январским днем 1979 года, когда сидел в своем офисе в штаб-квартире Общества Дикой Природы, всего в трех кварталах от Белого дома. Я только что вернулся с пресс-конференции в Здании Южного Сельского Хозяйства, на которой Лесная Служба объявила безрадостное решение по второму Исследованию и оценке областей свободных от дорог (RARE II), двадцатимесячной работы Лесной Службы, имеющей целью определить, какие Национальные леса должны быть защищены в их естественном состоянии. Я ослабил свой галстук, закинул ноги в ковбойских ботинках на стол, сорвал крышку с еще одного «Штроз» и подумал о RARE II и почему все пошло не так. Джими Картер был предположительно большим другом дикой природы. Доктор М. Руперт Катлер, бывший помощник исполнительного директора Общества Дикой Природы, был помощником министра сельского хозяйства по Лесной Службе и задумал программу RARE II. Но мы проиграли лесной, горной промышленности и интересам скотоводства по всем пунктам. Из 80 миллионов акров (всего 190 миллионов акров Национальных Лесов), все еще свободных от дорог и неразработанных лесов Отдел сельского хозяйства рекомендовал охранять от строительства дорог и вырубки древесины только 15 миллионов. Хуже всего, что мы, защитники природных ресурсов, были, черт побери, умеренными. Сторона противников окружающей среды была экстремистской, радикальной и эмоциональной, их аргументы притянуты за уши. Мы основывались на фактах и были рациональны. Обеспечили более серьезную и лучшую поддержку общественности. Но мы проиграли и сейчас беспокоились о том, чтобы какая-нибудь местная группа защиты дикой природы не отбросила сдержанность и не предъявила иск Лесной Службе за явно неадекватную оценку RARE II воздействия на окружающую среду. Мы не хотели судебного процесса, потому что знали, что можем выиграть и боялись политических последствий такой победы. Мы могли бы рассердить некоторых влиятельных сенаторов и представителей. Поэтому те из нас, кто был в Вашингтоне, сговаривались, как удержать в общем строю широкие массы. Что-то во всем

этом казалось мне неправильным.

После RARE II я оставил работу координатора в Обществе Дикой Природы Вашингтона, чтобы возвратиться в Нью-Мексико на свою старую должность юго-западного представителя Общества. Я был очень обеспокоен чрезмерным выпасом скота на Западе, на 180 миллионах акров общественных земель, управляемых Бюро менеджмента земли Министерства внутренних дел. На протяжении многих лет эти богатые дикими животными, пейзажами, местами для отдыха и дикой природой земли были частным угодьем скотоводов. БМЗ (Бюро менеджмента земли) недостаточно управляло общественными землями или контролировало серьезный чрезмерный выпас скота, который сбрасывал миллионы тонн верхнего слоя почвы вниз по Колорадо, Рио-Гранде и другим рекам, опустошая среду обитания живой природы, и вообще превращая землю в ад.

Подстегиваемое судебным иском Совета защиты природных ресурсов, БМЗ начало обращаться к проблеме чрезмерного выпаса посредством ряда определений о воздействии на окружающую среду. Они подтвердили, что большинство этих земель подвергается серьезному перевыпасу, и рекомендовали сокращение поголовья домашнего скота. Но после ожидаемого протеста владельцев ранчо и их политических союзников в Конгрессе и столицах штатов, БМЗ отступило. Почему БМЗ и Министерство внутренних дел были такими бесхребетными?

В то время как меня мучил этот вопрос, я все сильнее и сильнее тревожился относительно тенденций в самих организациях охраны природы. Когда я в 1973 году начал работать в Обществе Дикой Природы, чтобы получить работу в группе охраны природы нужно было проявить себя сначала как доброволец. Это не давало возможности получить правильную академическую подготовку, но опыт способного активиста охраны природы из широких масс был важнее.

Мы понимали, что не сможем получать такой зарплаты, как в правительстве или частной промышленности, но мы и не ждали этого. Мы работали на некоммерческие структуры, финансируемые пожертвованиями заинтересованных людей. Платите нам достаточно, чтобы хватало на еду, арендную плату и пиво — мы не стремились разбогатеть. Но с середины 1970-х годов все изменилось: люди, желающие работать в группах охраны природы были ориентированы на карьеру; они имели степени (в науке или юриспруденции, а не истории или английском языке); они рассматривали рабочие места в природоохранных организациях в том же самом свете, что в правительстве или промышленности. Каждое был ступенькой к следующей, более высокой должности. Они были в большей степени профессионалами и в меньшей степени болели за дело.

Увеличивался разрыв между постоянным персоналом и добровольцами. Начались ссоры из-за зарплаты. Мы больше не довольствовались заработной платой на пропитание, величина зарплаты стала отражать наш статус в движении.

В Обществе Дикой Природы в 1978 году руководителя Силию Хантер, феминистку, видную защитницу природы Аляски и пилота Второй Мировой Войны, заменил Билл Тернаж, рьяный молодой бизнесмен, который отличился в маркетинге Ансельма Адамса. В течение двух лет

Тернаж заменил практически всех, кто работал в постоянном штате под руководством Силии, профессиональными организаторами. Управляющий Совет также работал над тем, чтобы привлечь миллионеров с неопределенным интересом к окружающей среде. Как заметили некоторые из нас, мы перестали отличаться от тех, с кем якобы боролись.

Я подал в отставку в июне 1980 года.

Казалось, что то же самое происходило и с другими частями движения. Имелись ли где-нибудь радикалы? Кто-нибудь, занимающий твердую позицию? К сожалению, нет. Национальные организации — Сьерра-Клуб, Друзья Земли, Национальное общество Одюбон, Совет защиты природных ресурсов и другие стояли на практически одинаковых нерешительных позициях по большинству вопросов. И даже в эти нерешительных требования с готовностью шли на дальнейшие компромиссы. Штат этих организаций больше беспокоился о том, чтобы удержать местных защитников природы (и некоторых своих представителей в поле) в общем строю, не дать им превратиться в экстремистов или неблагоразумных и подорвать умеренную национальную стратегию. Даже «Друзья Земли», которые имели радикальное начало еще в неистовую эру Дня Земли, тяготели к центру и, как правило, были удобными членами неформальной коалиции больших организаций защиты окружающей среды.

На протяжении многих лет и я защищал этот подход. Я верил, что мы сохраним больше диких земель, выбирая умеренный путь. Сдержанное поведение вызовет меньше возражений. Рациональные экономические аргументы помогут внедрить охрану природы в истеблишмент. Нам необходимо было выступить единым фронтом.

Мои умеренные идеи дали серьезную трещину в начале 1979 года, когда я вернулся из Вашингтона в маленький поселок ранчерио Гленвуд, Нью-Мексико. Я уже жил там когда-то в течение шести лет, и хотя был известным защитником природы, принимали меня довольно хорошо. Через некоторое время «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью о RARE II, главной темой которой был Национальным Лес Джила вокруг Гленвуда. К моему изумлению, в статье цитировали хозяина ранчо, которого я считал своим другом, с угрозами в мой адрес из-за опасений местных жителей о последствиях заповедания областей дикой природы. Пару дней спустя меня остановили на улице четыре человека, один из них был хозяином городского кафе, где я съел немало куриных отбивных. Они тоже угрожали мне из-за RARE II.

Я не испугался, но был раздражен и удивлен. Я был умеренным среди умеренных защитников природы Нью-Мексико. Я убедил природоохранные группы Нью-Мексико уменьшить территорию Национального Леса Джила как области дикой природы областей в RARE II. Чем же вызваны эти неприятности? Я снова сравнивал различные подходы к RARE II: умеренный и смягченный основных групп охраны природы; воюющий, страстный и экстремистский фанатиков внедорожных автомобилей, многих владельцев ранчо, сторонников местного развития, лесорубов и шахтеров. Они выглядели, как дураки. Мы выглядели как государственные деятели. Они победили.

Последняя каплей было четвертое июля 1980 года в Моаве (штат Юта). Местная комиссия графства направила бульдозер с развевающимся флагом в область, которую Бюро менеджмента Земли определило как вероятную область дикой природы, изучаемую на предмет заповедания. Вторжение бульдозера было первым ходом так называемого «попынного восстания» — движения торговых палат, владельцев ранчо и правых фанатиков на Западе за передачу федеральной общественной земли в ведение штатов и, в конце-концов, в частные руки. Восстание было явно экстремистским и не имело поддержки даже со стороны многих консервативных членов Конгресса на Западе, и все же БМЗ побоялось остановить комиссию графства.

Чего мы действительно достигли? — думал я. Улучшилась ли ситуация по спасению Земли спустя десять лет? Я рассмотрел реальные проблемы: всемирный рост народонаселения, разрушение тропических лесов, расширяющуюся бойню африканских диких животных, загрязнение нефтью океанов, кислотные дожди, увеличение содержания двуокси углерода в атмосфере, распространение пустынь на каждом континенте, вымирание туземных народов и навязывание единой культуры (европейской) всему миру, планируемый раздел Антарктиды и добычу полезных ископаемых с морского дна, распространение ядерного оружия, исследование рекомбинации ДНК, токсические выбросы... Это меня ошеломило. И увидел, что мы не сделали ничего, чтобы повернуть вспять этот поток. В действительности, он усилился.

А после — Рональд Рейган. Джеймс Ватт стал Министром внутренних дел. Лесная Служба принадлежала компании Луизиана-Пасифик. Министерство внутренних дел — Эксон. Управление по охране окружающей среды — Дау. Администрация Рейгана и Республиканский Сенат сразу заговорили о выхолащивании уже выхолащенного законопроекта о Землях штата Аляска. Новая редакция Акта о чистом воздухе наткнулась на правительство, которое больше интересовалось черными чернилами корпораций, чем черными легкими людей. Территории Бюро менеджмента земли показались Департаменту Внутренних Дел неприлично голыми без одеяния из нефтяных скважин. В то же время Департамент Сельского хозяйства предписал Лесной Службе очистить Национальные Леса от пришедших в упадок и больных старовозрастных деревьев. Ковбои получили земли для выпаса, и упаси Боже путешественника, койота или былинку травы, которые оказались на их пути.

Возможно, некоторые из нас почувствовали еще до избрания Рейгана, что пришло время для нового джокера в колоде: воинственной, бескомпромиссной группы, не боящейся сказать то, что нужно сказать и сопроводить слова более решительными действиями, чем те, на которые осмеливались сформировавшиеся организации. Эта идея витала в воздухе пару лет. Наконец, в 1980 году несколько рассерженных защитников природы, в том числе Сьюзен Морган, работавшая директором по образованию в Обществе Дикой Природы; Хоуви Уолк, бывший вайомингский представитель «Друзей Земли»; Барт Келер, бывший вайомингский представитель Общества Дикой Природы; Рон Кезар, давний активист Сьерра-Клуба, и я решили, что время разговоров прошло. Мы создали новую национальную группу, которую назвали «Земля прежде всего!». Мы настроились на радикализм стиля, позиций, философии и организации, для того чтобы быть эффективными и избежать ловушек кооптации и умеренности, которые мы уже испытали.

Сидя вокруг походного костра в Вайомингских горах, мы спросили себя, каковы причины и цели радикальной защиты окружающей среды?

Честно высказывать взгляды, разделяемые многими защитниками природы.

Показать, что Сьерра-Клуб и его союзники были слишком умеренными, они верили в систему и опровергали утверждение Рейгана о том, что являются «экстремистами от окружающей среды».

Уравновесить таких радикальных противников окружающей среды, как Большая комиссия графства, и обеспечить более широкий спектр точек зрения.

Вернуть энергию, радость и энтузиазм утомленному, лишенному воображения движению защиты окружающей среды. Удерживать сформировавшиеся группы на честных позициях. Выработывая чистую, бескомпромиссную про-земную позицию, мы чувствовали, что «Земля прежде всего!» могла бы помочь не сбиться с пути другим группам.

Стать отдушиной для многих бескомпромиссных защитников природных ресурсов, которые разочаровались в политике компромиссов и кооптации организаций окружающей среды.

Создать продуктивное краевое течение, поскольку идеи, творческий потенциал и энергия имеют тенденцию возникать на краю и позже распространяться в центр.

Вдохновлять других претворять в жизнь действия со страниц «Банды гаечного ключа» (роман об экологическом саботаже Эдварда Эбби), даже невзирая на то, что «Земля прежде всего!» как мы согласились, само по себе будет якобы законопослушным.

Развивать новое мировоззрение, биоцентрическую парадигму, философию Земли. Бескомпромиссно и страстно бороться за Землю.

Название «Земля прежде всего!» кратко подытоживало одну вещь, по поводу которой мы все могли согласиться: в любом решении здоровье Земли должно иметь приоритет.

В истинно радикальной группе защиты Земли мысль о сохранении дикой природы должна быть краеугольным камнем. Идея дикой природы, в конце концов, наиболее радикальная идея человеческого разума, более радикальная, чем идеи Пейна, Маркса и Мао. Идея дикой природы провозглашает: люди — это не главное, Земля не только для Homo sapiens, человеческая жизнь — всего лишь одна из форм жизни на планете и не имеет никакого права на исключительность. Дикая природа существует ради нее самой и нет необходимости оправдывать ее человеческой выгодой. Дикая природа — ради дикой природы. Ради медведей и китов, синиц, гремучих змей и клопов-вонючек. И ради человеческих существ. Потому, что она представляет собой лабораторию человеческого развития, и потому что это наш дом.

Не достаточно защитить немногие последние частицы дикой природы. Единственная надежда для Земли (включая человечество) состоит в том, чтобы защитить огромные области как ненарушенные природные святыни от современной промышленности и

технологии. Сдерживайте Кливленд и Лос-Анджелес. Ограничьте их. Попытайтесь сделать их пригодными для жизни. Но выделите обширные территории, в которых можно восстановить подобие природных условий, верните Медведя Гризли, Волка и прерии, и объявите их вне пределов современной цивилизации.

В Соединенных Штатах выберите область для каждой из наших главных экосистем, и воссоздайте Американскую дикую природу — не маленькими частями по тысяче акров, а крупными кусками по миллиону или по десять миллионов. Уберите людей и автомобили. Восстановите земли, занятые дорогами или пашнями. Больше недостаточно протестовать против дамб на диких реках. Мы должны начать разрушать уже построенные дамбы — начиная с Глен Каньона на реке Колорадо-Ривер в Аризоне, Теллико в Теннесси, Хетч Хетчи и Нью Мелонз в Калифорнии — и освободить скованные реки.

Акцент на диких землях не требует отвернуться от других проблем окружающей среды или отказаться от решения социальных проблем. Мы должны искать точки соприкосновения с другими прогрессивными элементами общества всякий раз, когда это возможно.

Очевидно, у группы, более преданной Монстрам Джилы и Пумам, чем людям, не будет тесного союза с другими социальными движениями. Но существуют вопросы, в которых радикалы Земли могут сотрудничать с феминистскими, коренными американскими, антиядерными, пацифистскими, защищающими гражданские права и гражданские свободы группами. Консерватизм, присущий природоохранному сообществу, не позволяет ему сблизиться с этими левыми организациями. Тем не менее, мы надеялись положить начало более тесному их сотрудничеству с природоохранными движениями.

Мы полагали, что необходима новая тактика — совершенно иная, чем комментарии к печальным экологическим выводам и написание писем членам Конгресса. Политика на улицах. Гражданское неповиновение. Пропагандистские трюки в средствах массовой информации. Выставление злодеев на осмеяние. Использование музыки для пользы дела.

Ключевым пунктом является действие. Действие важнее чем философские искания или бесконечное очищение догмы (которым так знамениты радикалы). Пусть наши действия прояснят более тонкие моменты нашей философии. И давайте признаем, что разнообразие придает жизни не только остроту, но и силу. Все, что необходимо для того, чтобы присоединиться к «Земля прежде всего!», решили мы, это вера в то, что прежде всего — Земля. Кроме этого, «Земля прежде всего!» должна быть достаточно обширной, чтобы объединить уличных поэтов и вышибал из ковбойских баров, агностиков и язычников, вегетарианцев и поедателей сырых стейков, пацифистов и тех, кто думает, что подставить другую щеку — хороший способ получить больное лицо.

Радикалы часто балансируют на грани праведной серьезности. Но мы почувствовали, что если не сможем смеяться над собой, то станем еще одной бандой опасных фанатиков, которых следует держать под замком, подобно ответственным служащим нефтяных компаний. Мало того, что юмор сохраняет здравомыслие группы и индивидуума; он удерживает от высокомерия, важной причины насилия над окружающей средой, и тоже является эффективным оружием. Огонь, страсть, храбрость и эмоции также необходимы.

Мы были слишком рассудительны, слишком спокойны, слишком понимающи. Пришло время стать сердитыми, кричать, позволить гневу излиться на то, что рак человечества делает с Землей, и быть бескомпромиссными. Для «Земля прежде всего!» нет перемирия или прекращения огня. Никакой капитуляции. Никакого раздела территории.

С тех пор, как земные богини Древней Греции были вытеснены мужественными Олимпийцами, угнетение женщин и Земли шли рука об руку с империализмом. «Земля прежде всего!» решила быть незаорганизованной: никаких служащих, никакого регламента или конституции, никаких учреждений, никакого налогового статуса, только собрание женщин и мужчин, преданных Земле. На рубеже столетий Уильям Грэм Самнер написал известное эссе, называющееся «Завоевание Соединенных Штатов Испанией». Его мысль состояла в том, что Испания все-таки выиграла испано-американскую войну, потому что Соединенные Штаты восприняли империализм и тоталитаризм Испании. Мы чувствовали, что, если примем организацию индустриального государства, то вскоре воспримем и их антропоцентричную парадигму, как это во многом уже произошло с Одюбоном и Сьерра-Клубом.

И когда мы вдохновились, мы действуем.

Массивно, мощно, как в произведении Дарта Вейдера, дамба Глен Каньона перегораживает каньон Колорадо-Ривер на границе штатов Аризона и Юта и задерживает холодные, мертвые воды «Озера» Пауэлл примерно на 180 миль вверх по течению, затапливая наиболее поразительный и волшебный каньон на Земле. Дамба Глен Каньона больше, чем что-либо другое, является символом разрушения дикой природы, технологического изнасилования Запада. Самая прекрасная фантазия эковоинов Запада — разрушение дамбы и освобождение Колорадо. Так что вполне естественно, что 21 марта 1981 года во время весеннего равноденствия — традиционного времени возрождения — «Земля прежде всего!» провела свое первое национальное собрание на дамбе Глен Каньона.

Тем утром семьдесят пять членов «Земля прежде всего!» выстроились на пешеходной части моста через Колорадо Ривер, в семистах футах над когда-то свободной рекой и наблюдали за пятью соотечественниками, занятыми с неудобным черным свертком на массивной дамбе чуть выше по течению. Те, кто стоял на мосту, держали плакаты гласящие «Проклятье Ватту, а не рекам», «Освободите Колорадо», и «Пусть течет». Пятеро из нас на дамбе прикрепили веревки к решетке, выкрикивая «Земля прежде всего!», и дали тремстам футам черной пластмассы развернуться вниз по стене дамбы, создавая впечатление растущей трещины. Те, кто стоял на мосту, ответили приветствием.

Потом Эдвард Эбби, автор «Банды гаечного ключа», рассказал о «зеленой и живой дикой природе», которой был Глен Каньон всего девятнадцать лет назад:

«Они забрали его у нас. Политические деятели Аризоны, Штата Юта, Нью-Мексико, и Колорадо, вкупе с землепосадчиками, городскими и промышленными застройщиками Юго-Запада, украли это сокровище у нас, чтобы нести и продвигать свою сумасшедшую идеологию роста, прибыли и власти — рост ради власти, власть ради роста».

Эбби дал следующий совет на будущее: «Выступайте против, выступайте против разрушения нашей родины этими чуждыми силами из Хьюстона, Токио, Манхэттена, Вашингтона (округ Колумбия) и Пентагона! И если оппозиции недостаточно, мы должны сопротивляться. И если сопротивления недостаточно, тогда ниспровергать».

Едва он закончил речь, как на сцене появилась полиция Службы Парков и помощники шерифа графства Коконино. Пока они допрашивали Хоуви Уолка и меня и пытались разогнать незаконное собрание, запрещенный сельский певец Джонни Сейгбраш (полынь) вел демонстрантов песней еще в течение двадцати минут.

Выходка на дамбе Глен Каньона принесла группе «Земля прежде всего!» неожиданно много внимания со стороны средств массовой информации. Количество его членов быстро перевалило за тысячу человек, от уроженцев штата Мэн до Гавайев. Даже правительство заинтересовалось. По сообщениям от дружественных зрителей парка, ФБР обработало порошок всю трещину дамбы Глен Каньона в поисках отпечатков пальцев!

Когда мы создавали «Земля прежде всего!», то ощущали растущий радикализм окружающей среды в стране, но не ожидали такой реакции. Возможно, «Земля прежде всего!» оказалась в нужном месте в нужное время.

“ «Но что Вы реально можете сделать? Как вы будете бороться с Эксон, Корз, Мировым Банком, Японией, и другими гигантами Земли? Как Вы будете бороться с доминирующими догмами западной цивилизации?», — ухмыльнется циник.

Возможно, это и безнадежная борьба. Но тот, кто любит Землю, не может сделать меньше. Возможно, будет спасен какой-то вид, или останется невырубленным лес, или будет разрушена дамба. Возможно, и нет. Гаечный ключ, брошенный в шестерни машины, может и не остановить этого. Но он может помешать, заставить заплатить дорожке. И когда ты бросаешь его туда, хорошо себя чувствуешь.

Версия #1

Зверобой создал 19 апреля 2025 01:16:08

Зверобой обновил 19 апреля 2025 01:17:17